

с. гопнер

р е ч ь

представителя

И К К И

Товарищи, в своем приветствии¹ я между прочим сказала, что в третий период, когда классовые антагонизмы обострились до крайней степени, литературе трудно оставаться революционной не будучи пролетарской. Некоторые товарищи (в частности т. Курелла) эту мою фразу истолковали таким образом, что вне пролетарской литературы нет литературы революционной. Я предупреждаю конференцию, что я произнесла эту фразу не для того, чтобы сказать, что вне пролетарской литературы нет литературы революционной, я хотела этим только сказать, что на развитие революционной литературы мы не можем смотреть иначе, как на процесс. Мы твердо знаем, что революционная литература не может не эволюционировать в сторону литературы пролетарской. Если самоопределение писателя как революционного не является пустой рекламой, не является демагогическим присвоением себе революционного имени ради популярности, если это вытекает из того, что писатель преисполнен самой страстной ненависти к капиталистическому обществу, если он готов свой талант отдать на разрушение этого общества, то логика борьбы, железная логика его собственного развития приведет его в лагерь пролетарской литературы. И задача такой организации, как Международного бюро Революционной Литературы, заключается в том, чтобы отличать в лагере писателей тех, которые искренно становятся на точку зрения революционной борьбы против капиталистического строя, от тех, которые лицемерно присваивают себе это звание. Организация со своей стороны должна сделать все, чтобы путем идеологической борьбы, путем товарищеской критики и путем сближения с такими писателями облегчить процесс перехода этих товарищей в лагерь пролетарской литературы. Организация революционных писателей не должна воздвигать лишней стены между собой и теми, у которых революционный инстинкт очень велик, но которые не могут еще сделать надлежащих выводов, еще не обладают стройным марксистским мирозерцанием. Важно сделать все, чтобы этот благодарный элемент в конце концов пришел в лагерь пролетарской литературы. В тесной связи с этим находится наша борьба на два фронта. Мы здесь все подчеркивали, что эта борьба на два фронта является признаком жизненности МБРЛ как организации, имеющей блестящее будущее. Но что такое эта борьба на два фронта в области литературы? Можно ли механически переносить решительно все то, что мы делаем внутри партии, на литературное движение? Можно ли отождествлять их до конца? Мы думаем, что нельзя.

Что является правым уклоном внутри литературного революционного движения? Прежде всего — недооценка сил пролетариата, недооценка способностей пролетариата создать свою культуру, бороться за свою культуру как до взятия власти, так и после взятия власти. Далее, правый уклон это — недооценка рабкоровского движения как величайшего массового движения, этого знамения времени, движения, которое чревато богатейшими последствиями; движения, из которого уже растут не единицы, а сотни пролетарских писателей и работников искусства. С другой стороны, что мы называем левым уклоном? Здесь нужно сделать оговорку, что, конечно, как и внутри партии в области борьбы на два фронта, внутри революционного движения мы должны это слово «левый» взять в кавычки, ибо и правый и «левый» уклоны внутри коммунистического движения в общем и целом — родные братья, поскольку оба они отражают буржуазное влияние на пролетариат. Мы всегда утверждали и утверждаем, что весьма правые настроения могут прикрываться левыми, радикальными фразами. Характерной чертой «левизны» является упрощенчество. А мы знаем, что квалифицированный анализ, сознательный подход ко всякому вопросу не может быть упрощенным подходом. Элементарным условием, которое мы ставим такому квалифицированному анализу, является способность различать, не смешивать все в одну кучу.

И вот, товарищи, если мы прислушиваемся к тем прениям, которые происходили на этом совещании, мы увидим, что в этих прениях выявились оба уклона, и надо приветствовать, что на этой конференции оба эти уклона получают решительный отпор.

Если правым уклоном является недооценка рабкоровского движения как могучего источника новых кадров пролетарского литературного движения, то типичнейшим левым уклоном являются такие слова, которые мы здесь слышали от отдельных товарищей о том, что рабкоровское движение есть единственный источник пролетарской литературы. Это неверно. Рабкоровское движение является основным источником, откуда рождается богатая революционным опытом пролетарская литература. Но утверждение, что это есть единственный источник этой литературы — по своей форме, чрезвычайно левое, чрезвычайно радикальное, я бы сказала «ура-радикальное», — по существу является весьма право-оппортунистическим, ибо товарищи, утверждающие это, недооценивают огромного влияния революционного рабочего движения на другие классы, на мелкую буржуазию, недооценивают способности пролетариата благодаря тому, что моральная правота на его стороне, отрывать от враждебных ему классов отдельные элементы и завоевывать их на свою сторону.

Вся история рабочего движения полна такими примерами, и я не стану приводить вам ряд блестящих имен вождей рабочего класса и литераторов пролетарского лагеря, которые вышли из среды непролетарской и которые перешли целиком на сторону пролетариата. Вы сами знаете эти имена.

Вот в том-то и сказывается сила пролетарского революционного движения, в том-то и огромная сила пролетариата, которому принадлежит будущее, что он привлекает на свою сторону все то, что не находит больше удовлетворения в классе умирающем, в классе, весь быт которого, все нравы которого, все стремления которого не могут больше удовлетворять те лучшие элементы, те более здоровые элементы, которые еще в нем имеются. И поэтому мы считаем сектантством, вредной левизной, левизной на словах, а на самом деле «правизной» (в смысле правого уклона) утверждение, что мы должны отказаться искать революционных писателей еще где бы то ни было, кроме рабкоровского движения.

РЕЧЬ ПРЕД-
СТАВИТЕЛЯ
ИККИ

Если механическое перенесение норм внутрипартийных отношений в среду литературного движения является сектантством, то, с другой стороны, правым уклоном является недооценка роли партии по отношению к революционному литературному движению; недооценка, которая заключается в том, что иногда прекрасные, революционные и даже пролетарские писатели, имеющие большие заслуги, сторонятся партийной организации. Будучи выражены мелкобуржуазным индивидуализмом, они боятся утратить свою самостоятельность, не понимая, какое громадное значение имеет для них партийное руководство.

Мы считаем уклон, в который впал Анри Барбюс, правым уклоном потому, что он питает какие-то иллюзии насчет возможности нашего сотрудничества в журнале «Монд» или на какой-нибудь другой арене с элементами прямо нам враждебными, и одновременно пренебрежительно, я бы сказала, с неуместным аристократизмом относится к рабкоровскому движению. Но мы, с другой стороны, считаем сектантством упрощенчество, с каким товарищи, как например т. Потамкин (из американской делегации), ставят рядом имя Панаити Истрати и т. Анри Барбюса. Здесь мы видим упрощенчество, неспособность отличить Панаита Истрати, который ставил свое участие в защите СССР в зависимость от субсидии, который поставил весь вопрос по-торгашески, по-делячески, от товарища Анри Барбюса, который пере-страдал войну, который хотя и пришел к нам из мелкобуржуазной среды, но глубоко выстрадал целый ряд своих убеждений, который теперь находится, правда, в полосе исканий и колебаний, у которого в творчестве имеются элементы мистицизма, но который дорого заплатил за свои революционные убеждения. История классовой борьбы чрезвычайно богата большим количеством примеров измен весьма крупных людей. Мы помним переход в лагерь противников рабочего класса такого великана, как Плеханова, мы помним целый ряд других таких же метаморфоз. Но, товарищи, во всяком случае мы должны к каждому подходить с точки зрения того, что он собой представляет сегодня, а не с точки зрения того, что он может представить собой завтра. Конечно, мы должны уметь предвидеть это (самое важное требование, которое нужно ставить политику). Но нам надо сделать все, чтобы помочь т. Анри Барбюсу выйти из путаницы, а не делать все для того, чтобы его несправедливо оскорбить и оттолкнуть, как это пытаются сделать некоторые товарищи. Поэтому мы говорим, что так называемая левая тактика по отношению к Анри Барбюсу, которая заключается в том, что его хотят здесь, на этой конференции, политически расстрелять, это, товарищи, левизна, которая, как две капли воды, похожа на правый уклон. И тот и другой уклон опасны тем, что они отталкивают от нас массы. Если сектантство отгораживает нас от массы целым рядом формальных норм и предписаний, которые совершенно не нужны, то, с другой стороны, правый уклон оттолкнет нас от масс неправильными, не нашими, не пролетарскими лозунгами. Мы должны бороться против одного и против другого.

Несомненно, и в литературном революционном движении самой большой опасностью является правая опасность, потому что велика сила буржуазии, велик аппарат ее идеологического воздействия, который давит на все прослойки мелкой буржуазии, интеллигенции, а также и на некоторые слои пролетариата. Мы должны помнить, что именно правая опасность является во всех наших партиях самой большой опасностью. Это не может не отражаться и на литературном фронте и в нашей борьбе за пролетарскую литературу. Мы должны это учесть.

Товарищи, сейчас я хочу сказать несколько слов по поводу оценки деятельности Международного Бюро Революционной Литературы. Если взять только один факт созыва этой конференции, которая дала новые данные

о росте движения, о привлечении к нам целого ряда новых сил, о переходе ряда революционных писателей в лагерь пролетарских писателей, то этого достаточно, чтобы констатировать значительное продвижение вперед.

Вспомним сегодняшнее заявление т. Глезера или возьмем случай с Эптоном Синклером. Мы политических гарантий за Эптона Синклера брать на себя не можем, но во всяком случае тот факт, что он сейчас стучится в двери Международного Бюро Революционной Литературы, разве не является признаком большой моральной победы революционного литературного движения? Эта наша конференция имеет огромное значение (о нем придется еще говорить). В том, что была подготовлена такая конференция, мы видим большую заслугу Международного Бюро Революционной Литературы.

С другой стороны, на этой же конференции в порядке самокритики обнаружены слабости, прежде всего слабость аппарата Международного Бюро Революционной Литературы. Оно не могло охватить движения, оно не могло охватить целого ряда отдельных групп и организаций. В частности, очень большим пробелом является отсутствие писателей целого ряда колониальных стран.

Что касается журнала «Вестник иностранной литературы», то самое создание журнала является большим достижением. Но журнал конечно заслуживает и серьезной критики. Несомненно, что туда попадают подчас вещи, не только не имеющие ничего общего с пролетарской литературой, но также ничего общего и с просто революционной литературой в более широком понятии этого слова. Как пример, приведу рассказ под названием «Отдайте нам негра», где изображена картина линчевания. Рассказ напечатан в № 5 журнала «Вестник иностранной литературы». Его автор — Хольдеман Джулиус. Этот рассказ абсолютно ничем не отличается от того, что мы читали двадцать пять лет тому назад о том же самом линчевании: та же дикая толпа, состоящая из белых, и та же группа загнанных негров, против которых разъярена эта толпа белых. Ни одного момента классового содержания, ни одного слова о расколе этой толпы, ни одного слова, трактующего классовую подкладку этого явления. Мне кажется, товарищи, что на тринадцатом году пролетарской революции в СССР и на двенадцатом году жизни Коммунистического Интернационала тему о линчевании можно подносить иначе. Этот рассказ — не единственная ошибка журнала. Журнал помещает иногда случайные, не наши произведения. Но вместе с тем журнал приобретает очень много ценного — он ободрил целый ряд молодых революционных сил, и за отдельными ошибками не видеть этих больших достижений, конечно, невозможно.

Я хочу, товарищи, сделать краткие выводы. Прежде всего наша внутренняя борьба на два фронта, наша борьба против уклонов должна быть в идеологическом отношении беспощадной. Это явится лучшей помощью тем товарищам, которые шатаются, колеблются или не поставили всех точек над *i*. Это явится лучшим орудием борьбы за пролетарскую идеологию, за приближение революционной литературы к литературе пролетарской. Но, товарищи, в этой борьбе нужно избегать всяких демагогических излишеств, всяких таких кличек, как фашист, предатель, дезертир, по отношению к таким писателям, которых революционность не подлежит сомнению. Такая «левизна» ничего общего с марксизмом не имеет. Борьба должна быть освобождена от таких элементов, которые губят все дело нашей идеологической борьбы за гегемонию пролетарской литературы в революционном литературном движении.

Затем, товарищи, нам вредно механическое перенесение методов и норм внутрипартийной работы в широкие массовые организации, в частности в организацию литературную. Поскольку среди молодой литературы, именно

РЕЧЬ ПРЕД-
СТАВИТЕЛЯ
ИККИ

благодаря ее молодости, не может не быть непребродивших элементов, не может не быть исканий, хотя бы в области творчества, причем естественно возникает ряд ошибок,— мы считаем вредным механическое перенесение всех норм, которыми регулируется жизнь партии, как авангарда пролетарской революции, на такие широкие организации, какой является организация писательская.

Возьмем все нормы дисциплины, которые имеются внутри партии. Как известно, коммунистическая партия является той организацией, где вопросы дисциплины играют огромнейшую роль, где дисциплина чрезвычайно строга. Мы не можем предъявлять такие же требования к товарищам, которые входят в литературную организацию для выполнения лишь определенной части своей революционной борьбы и которые во многих отношениях еще не доспели до звания коммуниста ни по форме, ни по содержанию своих произведений. Но, с другой стороны, мы должны терпеливо разъяснять, что со стороны беспартийных писателей, со стороны беспартийных революционных товарищей (не говоря уже о партийцах) недооценка роли партии в литературном движении является огромным минусом как для движения в целом, так и для революционного творчества каждого писателя в отдельности. Возьмите пролетарскую и революционную литературу в Советском Союзе и, в частности, на Советской Украине. Какую огромную помощь оказала этому движению партия своей ясной постановкой вопроса, своим твердым руководством, своей борьбой на два фронта, своей борьбой против правого оппортунизма и против левых сектантских тенденций! Все те писатели, которые несколько лет назад были еще далеки от партии не только формально, но и по существу, чрезвычайно выросли под влиянием руководства партийной организации. И об этом, я думаю, могут рассказать очень многие. И если сейчас, в Советском Союзе, в частности в Советской Украине, мы видим пышный расцвет творчества новых сил, то это прежде всего благодаря победе диктатуры пролетариата вообще и в частности благодаря тому, что эта работа развивалась под осторожным, но вместе с тем твердым руководством коммунистической партии. И те товарищи, которые ищут, которые колеблются, которые еще не нашли себя, не самоопределились, пусть задумаются над тем вопросом, что коммунистическая партия есть единственная партия, которая имеет ясную цель и ясный путь и этим путем приводит и приведет трудящихся к полному, окончательному раскрепощению.

Мы говорим, что мы должны прежде всего уметь приложить к этим многочисленным революционным литературным течениям определенное мерило. Что сейчас является основным звеном, за которое нужно уцепиться во всяком революционном движении? Этим основным звеном является борьба против империалистической интервенции в СССР. Защита СССР — самая боевая задача, ибо СССР — опора мировой пролетарской революции. Борьба с фашизмом и социал-фашизмом неразрывно связана с борьбой за защиту СССР точно так же, как борьба против империалистического гнета в Китае и в Индии. Вот наша платформа. И эта платформа может и должна быть сейчас приемлема для широких писательских масс во всех странах. Нужно шире раскрыть двери всем писателям, приемлющим эту платформу (конечно, речь идет о революционных писательских массах), нужно дать им возможность все свое творчество, все свои силы положить на весы революции.

Одним из таких величайших орудий помощи пролетарской революции является сейчас правильная информация о СССР за границей. Мы имеем массу фактов, говорящих об огромном интересе, о все растущем интересе трудящихся масс к тому, что делается в СССР. Этот интерес за все время нашей революции был очень велик, но он никогда не был так велик, как сейчас, когда широкие массы в капиталистических странах так жестоко

страдают, когда так велики бедствия последствий кризиса, когда они обрушиваются с такой силой, что масса с особой остротой ищет выхода. И они не могут не обращать свои взоры прежде всего на страну Советов.

У нас есть факты, говорящие о том, что как ни много делается со стороны коммунистических партий, все же информация о СССР недостаточна. Для широких масс, для отсталых масс сухая политическая литература недоступна. И если такая литература является незаменимой, с точки зрения политической мобилизации масс вокруг четких боевых лозунгов, то она является недостаточной в смысле подхода к этим массам. И здесь художественная литература может сыграть огромнейшую роль. Мы наблюдаем нередко, что политическая информация, которая передается в форме обычных газетных статей, меньше читается, чем талантливые очерки, художественные обзоры, воспоминания, впечатления очевидцев. Такие произведения идут нарасхват. И мы призываем вас оценить по достоинству, что сейчас информация о СССР является не только важной политической задачей, но также лучшим методом массовой работы, методом завоевания тех отсталых масс, которых нельзя еще завоевать нашими строгими политическими формулами. И кому же, как не вам, широко использовать это орудие пролетарской революции, широко использовать это орудие мобилизации масс для борьбы с фашизмом, для борьбы с социал-фашизмом, для борьбы за пролетарскую революцию во всем мире! Мы призываем вас и через ваши головы всех революционных писателей взять это оружие в руки и смело научиться владеть им. Это оплодотворит творчество десятков и сотен писателей и сделает из вас активнейших борцов и творцов мировой пролетарской революции. (Продолжительные аплодисменты.)

Иоганнеса Р. Бехера

Доклад

угроза войны.

задачи

революционных писателей

I. Ко всем

Мы говорим с этой трибуны, обращаясь не только к собравшимся здесь товарищам: созванная в Харькове конференция революционных писателей мира найдет широкие отклики далеко за пределами Советского Союза, эхо ее разнесется по всему миру. Революционное юношество и революционная интеллигенция, широкие трудящиеся массы, рабочие всех стран узнают, что в Харькове в ноябре 1930 года собрались революционные писатели со всех широт и долгот земного шара, писатели, считающие своей жизненной задачей — служить оружием своего творчества делу освобождения трудящихся.

Наши задачи совершенно тождественны с задачами международного революционного движения. Многие, многие тысячи рабочих уже знают, что мы, революционные писатели, принадлежим им, что мы и наши произведения стали необходимым оружием в арсенале классовой борьбы. Революционные рабочие изо дня в день видят собственными глазами, что нас точно так же, как и их, преследует в капиталистических странах классовая юстиция буржуазии. Но тысячи, многие тысячи сегодня узнают впервые об этом, и они

будут внимательно прислушиваться к нам, будут прислушиваться к тому, что мы, как писатели, можем сказать сегодня перед лицом тех событий, которые происходят во всем мире и которые направлены против рабочих, как революционного класса.

И то, что мы говорим здесь, мы говорим открыто, не считаясь с буржуазией, с ее полицейским и судебным аппаратом. Мы, революционные писатели, уже доказали, что, тесно связанные с революционным движением, мы представляем собой несокрушимую силу.

Раньше всего мы должны сказать: мы, революционные писатели, примкнули к революции не из каких-нибудь неопределенных и необъяснимых чувств и симпатий, нет, мы изучили законы развития капитализма, мы приобщились к революционной теории марксизма-ленинизма, понимая, что без революционной теории невозможна и революционная практика. Только с точки зрения исторического материализма можно всесторонне рассматривать и познавать мир. И только с этой особенной и определенной точки зрения писатели и поэты могут познавать мир, отображать его и изменять. В то время, когда вокруг нас старый мир рушится вдребезги, обреченный на невозвратную гибель, вырисовываются уже контуры нового мира, фундамент которого — мировая пролетарская революция.

Вы скоро убедитесь, что тема моего доклада — «Угроза войны и задачи революционных писателей» — одна из труднейших и сложнейших тем, которые могут быть поставлены в настоящий момент, и трудность этой темы в той ее части, которая касается угрозы войны.

Тема доклада — «Угроза войны и задачи революционных писателей» — делает необходимым раньше всего определить предпосылки, из которых мы будем исходить. Мы должны прежде всего установить основные положения нашей революционной теории в отношении войны и военной опасности, так как в дальнейшем мы все больше и больше вынуждены будем останавливаться на этих положениях применительно к нашим специфическим задачам революционных писателей.

Мы, как революционные писатели, знаем, что война от капитализма неотделима. Борьба против войны требует прежде всего понимания всей сущности данной войны и ее причин. Война для нас ни в коем случае не какое-либо неизбежное явление природы, не является для нас каким-то роком, которому необходимо во что бы то ни стало подчиниться и который находится за пределами человеческого влияния и воздействия; причина войны, как исторического явления, коренится также не в «естественном дурном начале», заложенном в людях, и не в плохой политике правительств, — основная причина в том, что общество разбито на классы, на эксплуататоров и эксплуатируемых. Капитализм — вот причина войн новейшей истории. И войны в условиях капитализма отнюдь не исключительное явление, они не находятся в каком-нибудь противоречии с основами капитализма, наоборот, они являются их прямым следствием. Империализм, как монополистическая стадия капитализма, в такой мере усугубляет противоречия капитализма, что «мир» становится только передышкой перед новыми войнами.

2. Мир — только передышка перед новой войной

Мы все уже давно совершенно отчетливо чувствуем острейшие противоречия между медоточивыми фразами о мире и необычайными военными приготовлениями. Наше время дает громадное количество примеров, которые

УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИ-
ОННЫХ ПИ-
САТЕЛЕЙ

говорят о том, что в настоящие дни, дни так называемого мира, война по существу не прекращается. Всюду со времени окончания мировой войны полным ходом идет война империалистов против восстающих колониальных народов. Эти войны одновременно следует рассматривать, как грандиозные кровавые маневры в подготовке новой мировой войны. Империалисты имеют таким образом возможность испробовать свои новейшие ужаснейшие орудия войны на огромных плацдармах своих колоний, стреляя не по манекенам и искусственным сооружениям, а по настоящим деревьям и городам, населенным настоящими живыми людьми. На них имеют они возможность испробовать свои танки, свои военные самолеты, свои удушливые газы. Из года в год сотни тысяч офицеров и солдат получают таким образом военную практику, машина войны ни на минуту не останавливается, она избавлена от угрозы закостенеть, устареть, заржаветь.

Так называемые гражданские войны в полуколониальных странах (генеральская война в Китае, революционные войны в Южной Америке) также представляют собой новый тип предвоенных маневров, так как за спиной воюющих друг с другом генералов стоят империалистические колоссы, начинающие перестреливаться под чужими именами и под чужими флагами, начинающие разрешать свои взаимные споры. И эти гражданские войны являются только промежуточной формой между сегодняшним миром и грядущей мировой войной, являются предтечами новой мировой кровавой бойни.

3. Подготовка войны на полном ходу

Наша конференция происходит в период самого сильного обострения классовых противоречий во всех странах, в момент острого хозяйственного кризиса, какого капитализм до сих пор не переживал.

«Противоречия между империалистическими державами в борьбе за рынки выявляются все отчетливее. Но еще больше, чем эти противоречия между империалистическими державами, растет главное противоречие, делящее весь мир на два лагеря: с одной стороны, весь капиталистический мир, с другой — СССР, вокруг которого группируются международный пролетариат и угнетенные народы колоний».

Это положение из тезисов VI конгресса Коминтерна о мерах борьбы с опасностью империалистической войны в настоящий момент находит все более сильные подтверждения в тех хозяйственных и политических событиях, которые мы переживаем. Пацифизм рассыпался в прах. Все меньше и меньше шума вокруг тех, которые недавно еще проповедывали вечный мир и союз народов. Пацифизм становится едва слышным, бессодержательным шопотом, далеким от действительности; уста пацифистов все быстрее наливаются кровью, чтобы произнести слово «война», чтобы возвестить новую войну народов.

Наряду с усилением вооружений и подготовкой к новой войне империалисты всех стран всячески усиливают внутреннюю реакцию. Они должны создать для себя «спокойный тыл» — без него немыслима никакая война. Для прикрытия тыла буржуазия использует целый ряд мероприятий: закон о профсоюзах в Англии и Норвегии, арбитраж в Германии, план Юнга о сотрудничестве химических промышленных компаний, кампания в пользу «мира в промышленности», аполитичные профсоюзы («спенсеризм» в Англии), «компанейские профсоюзы» в Америке, создание фашистских государственных профессиональных союзов в Италии, закон о милитаризации профсоюзов, в случае войны, во Франции... Дальше: неофициальные армии, как например национально-социалистические батальоны и «Стальной шлем».

Наконец, в этих же целях усиливаются преследования и репрессивные меры против коммунистических партий, с этой целью проводится огромная пропаганда, мобилизация масс.

Одна из руководящих французских буржуазных литературных газет «Les Nouvelles Littéraires» в одном из своих последних номеров на виднейшем месте поместила статью под заглавием: «Молчание Германии». Эта статья, обращена к тем немецким писателям, которые в течение последних шести лет непрерывно ездили в Париж и там заявляли о том, как высоко они ценят французскую культуру, какую глубокую связь с ней они чувствуют, как сурово они осуждают Германию кайзера Вильгельма и ее политику. Теперь же, когда высоко вздыбилась национально-социалистическая волна, когда все громче раздаются призывы к реваншу, когда «Стальной шлем» берет на себя «стражу на Рейне», когда налицо снова угроза войны,— все эти люди, которые вчера еще рассыпались в заверениях перед Францией, молчат.

К этим сетованиям французской газеты можно добавить, что и французские писатели в таком или подобном случае действовали бы не иначе, чем их немецкие коллеги. Буржуазные писатели, как производители идеологической продукции, многому научились от капиталистического производства вообще. Они сегодня в большей своей части более гибки, чем в 1914 году, и еще более готовы, еще более приспособлены перевести свою продукцию мирного времени на военную продукцию.

От подобных разочарований и мы должны заранее обезопасить себя. Не наши желания и чаяния могут иметь какое-либо значение при оценке явлений, а одна лишь действительность, которой мы должны заглянуть в глаза, если это даже налитые кровью глаза войны. Мы должны, говоря словами Клаузевица, освободиться от легкомысленной надежды на спасение от руки случая. Мы должны освободиться от бездейственного ожидания, что принесет будущее, которое неясно только тупице.

Надо остановиться еще на двух обстоятельствах, доказывающих, что война уже начинается, что подготовка к ней идет все быстрее. Единственная отрасль промышленности, которая в период всеобщего кризиса не знала никаких потерь,— это военная промышленность. Можно говорить о каком-то своеобразном соревновании между империалистическими странами в области вооружения, в области обеспечения своих армий все новыми, все более усовершенствованными средствами уничтожения. Идет подготовка к такой войне, в сравнении с которой последняя мировая война может показаться невинной шуткой, как, скажем, войны Наполеона в сравнении с той же последней мировой войной. Чтобы увидеть еще ярче, каких размеров достиг рост военной промышленности, сравним цифры расходов на военные нужды пяти великих держав: Англии, Америки, Японии, Франции и Италии. В 1913 году эти пять стран расходовали на содержание армии в круглых цифрах три миллиарда золотых марок. Эта сумма в настоящее время выросла до 11,4 миллиарда марок. И было бы наивно предполагать, что эти расходы на военные приготовления покрываются исключительно из средств военного бюджета.

4. Революционные писатели всех стран, соединяйтесь!

Если мы, революционные писатели, рассмотрим весь комплекс этих вопросов, то мы увидим, что перед нами стоит не одна задача, а целая система задач. И дальше, рассматривая каждую из стоящих перед нами задач, мы увидим, что они не могут быть разрешены каждым писателем в отдельности,

УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИ-
ОННЫХ ПИ-
САТЕЛЕЙ

работающим обособлено. Мы видим, что необходимо организовать революционную литературу. Только революционная литературная организация в национальном и интернациональном масштабе сумеет справиться с этими задачами.

5. Буржуазная литература и военная опасность

Чтобы представить себе наши задачи, нелишне остановиться на вопросе о том, как буржуазная литература ставит перед собой свои военные задачи и как она их разрешает.

Известно, что последние годы, в особенности в Германии, рынок наводнен огромным количеством военной литературы. Эту буржуазную военную литературу можно разделить на две группы: на националистическую литературу, которая теперь на фоне роста фашизма должна привлечь наше особое внимание, и на буржуазно-пацифистскую военную литературу.

Националистическая военная литература, к которой в Германии в первую очередь надо причислить «Стальные грозы» Эрнста Юнгера и «Огонь в Германии» Беймелбурга, героизирует войну. Для них война — огромное человеческое переживание, война создает касту фронтовиков, которой, по ее мнению, принадлежит будущее. Они пишут: «Здесь возник тот национализм, который через смерть, жертвы и уничтожения пережил ужасное величие судьбы, пережил и претворил его в немецкий национализм. Национализм понял величие судьбы, он осознал его, но он не подчинился ей покорно, как неизбежности, он признал ее, он сказал ей «да», он сам предоставил себя в ее распоряжение» и т. д.

И они приводят аргументы против пацифизма:

«Пацифист видит в мировой войне только механизированную войну, войну орудий против орудий, исключая все, что касается человеческой личности, человеческой души. Для него основная сила — рынки сбыта и экономические цели. Это он называет «идеей войны».

Мы дальше увидим, что здесь пацифизм оценен неправильно.

И в националистической литературе некоторые пороки войны находят свое осуждение. Так, например, в книге члена «Стального шлема» Шауве-хера какой-то пустяковый процесс описан подробно. Но частичная критика является лишь обходным маневром, рассчитанным на то, чтобы обойти по существу вопрос о причинах войны. Они окружают войну тайной. Ее истинное лицо мистически завуалировано — каждый призывается к тому, чтобы снова пережить войну, как величайший героический момент в последней истории наций.

Так называемая пацифистская военная литература, из которой «На Западе без перемен» Ремарка получила наибольшую известность, также не ставит вопроса о происхождении войны, о ее причинах. Мы уже отметили, что националисты не правы, упрекая пацифистов в том, что они видят в войне только борьбу за рынки сбыта. Эта борьба за рынки едва ли играет существенную роль в пацифистской военной литературе. Военная литература пацифистов ловко выдвигает на первый план ужасы войны, страдания, которые она приносит, показывает все стадии человеческой слабости. Критика войны у нее на несколько ударений сильнее, чем у националистов, она ставит некоторые вопросительные знаки, но основное: война — это безумие, бессмыслица, которой можно избежать; война — это порождение злой человеческой воли; войну вызывают плохие правительства.

Но было бы ошибочно полагать, что военная литература, и в первую очередь националистическая, исчерпывается известными нам произведениями. Не только в отношении военной литературы, но и в отношении всей буржуазной литературы мы до сих пор сделали крупную ошибку, и я хочу теперь коротко остановиться на этой ошибке, чтобы позднее сказать о тех выводах, которые мы должны сделать для исправления ее.

6. Массовый характер буржуазной литературы

До сих пор мы рассматривали буржуазную литературу, в том числе и военную, почти исключительно в области ее наиболее значительного достижения, в области ее стандартных произведений. Мы понимали под буржуазной, например, германской литературой почти исключительно такие крупные литературные явления, как Томас или Генрих Манн, Деблин, Вассерман и т. д. Но это только часть буржуазной литературы и отнюдь не настоящая массовая буржуазная литература. Если мы в дальнейшем будем говорить о буржуазной литературе, то мы должны оценивать ее как одно целое, к которому одинаково относятся и произведения маститых писателей и так называемая второклассовая литература, народная, а также вся бульварная и желтая литература.

Было бы ошибочно буржуазную военную литературу исчерпывать упомянутыми произведениями и еще несколькими десятками подобных книг. Неисчислимым количеством произведений, в многотысячных тиражах наводняет военная литература Германию, оседая в сердцах читателей и прежде всего в сердцах и умах юношества, которое не знает войны по собственным переживаниям и которому эта литература рисует войну в героическом свете. И неудивительно, если это юношество воодушевляется идеей войны и проявляет желание пережить ее.

Эта литература ловко рассчитана на слабые чувства того огромного количества людей, для которых жизнь сегодняшнего дня так, как она есть, совершенно невыносима. Вот этим людям изображают войну как грандиозную, смелую, отважную затею; этим людям твердят о том, что со дня мобилизации вопрос о хлебе насущном отходит на задний план и разрешается сам по себе; этим людям твердят, что война открывает для них перспективы прекрасного будущего.

Война, — пропагандируется в этой литературе, — освобождает от повседневных будничных забот, ставит человека на ответственный пост, на котором человек сразу вырастает, сам командуя или подчиняясь команде выше его стоящей силы. Почти во всех книгах война представляется как фактор, сближающий людей, объединяющий их, создающий массовые коллективы. А смерть на поле битвы? Разве не лучше умереть за великую идею, чем медленно истлевать под тяжестью нужды и голода?

Таким образом популяризируется война, таким образом она находит путь в сердца людей, не имеющих выхода, отчаявшихся. А те, которые уже были на войне, упиваются этой литературой, так как она создает в них представление о самих себе, как о героях.

7. Пацифистский метод отпугивания

Как стоят все эти вопросы у нас, революционных писателей, обязанных создать революционную военную литературу?

«Надо объяснять людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе».

**УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИ-
ОННЫХ ПИ-
САТЕЛЕЙ**

Если мы эти слова Ленина положим в основу нашей литературной продукции, то мы должны будем признать, что мы выполнили наши задачи в весьма ограниченной части. Я должен здесь сделать одну оговорку, отметить одно исключительное произведение, если даже оно не относится к послевоенной литературе, а появилось еще во время войны. Но это произведение оказало огромное влияние. Я говорю о книге Барбюса — «В огне».

В чем состоят наши основные ошибки?

Нельзя оспаривать, что наши произведения на тему о войне еще отдают сильным пацифистским духом, что они слишком выпячивают на первый план ужасы войны, страдания и т. д., что империалистический характер последней войны недостаточно четко и остро выявлен.

Мы не учли, что пацифизм приобрел новое объективное значение, как идеология и орудие в борьбе мирового империализма против наступающей мировой революции и против ее цитадели — Советского Союза.

В тезисах VI конгресса Коминтерна по вопросу о войне мы читаем:

«При идейной и организационной подготовке новых империалистических контрреволюционных войн империализм сейчас наталкивается на очень серьезное затруднение — инстинктивное чувство против войн, охватившее со времени последней мировой войны широкие массы населения, прежде всего рабочих, крестьян и трудящиеся женские массы. Империализм поэтому вынужден вести подготовку войны под покровом пацифизма. В этом кроются объективное значение и основная цель разоруженческих предложений и конференций империалистических государств, в особенности же «работы Лиги Наций в этой сфере обсуждения вопроса о безопасности», проектов создания третейских судов, пактов о «запрещении войны» и т. д. Все эти пацифистские договоры, проекты, конференции имеют целью, во-первых, замаскирование вооружений империалистов; во-вторых, — маневры отдельных великих держав друг против друга, для того, чтобы добиться путем договоров сокращения вооружений противника и вместе с тем усилить свою собственную мощь; в-третьих, — временные соглашения великих держав о закреплении их власти над слабыми и угнетенными странами.

Идейная и политическая мобилизация против Советского Союза под прикрытием пацифистских лозунгов «разоружения» империалистов — является не чем иным, как косвенной и прямой подготовкой войны. Поэтому борьба против разоруженческого обмана пацифизма в настоящее время составляет одну из основных задач борьбы против империалистической войны.

В действительности империализм не проявляет никаких тенденций к предотвращению войны, и все те основные положения, все те пакты, перечислением которых «реальные пацифисты» усыпляют массы, являются, наоборот, симптомами подготовки к империалистической войне. При этом речь уже не идет о войне одного государства против другого, а о войне союзов государств, о войне одной части мира против другой. Но пан-европейский или мировой союз государств может быть только реакционным, т. е. союзом, рассчитанным на подавление пролетарской революции и освободительного движения колоний.

Пацифизм из прикрытия военных приготовлений превращается таким образом в одно из важнейших орудий подготовки к войне. Поэтому необходимо усиление борьбы против пацифизма и его специфических лозунгов — против Лиги Наций, против союза народов, который будет вести грядущую войну против Советского Союза во имя «цивилизации» и «мира», который в Советском Союзе и пролетарской и колониальной революциях видит угрозу миру против «радикального» пацифизма, который под маской борьбы

против «всякой войны» пытается дискредитировать идею защиты Советского Союза...»

39

Вот эти положения и требования показывают нам, как далеко отстали мы в своей работе, ибо несмотря на все успехи, которых мы достигли за последние годы, наш темп, в сравнении с темпом разворачивающейся классовой борьбы, в сравнении с темпом подготовки войны во всех странах, совершенно недостаточен. И этот конгресс должен в первую очередь помочь нам усилить темпы, наверстать упущенное, догнать историю.

В число этих задач входит и задача борьбы с пацифистским душком в нашей литературе, с выдвижением на первый план ужасов войны, с методом отпугивания, которым пользуется военная литература пацифистов.

8. Усилить темпы!

Никто из нас не создает себе иллюзий, и все мы учитываем, насколько трудно художественное разрешение этой проблемы. Здесь недопустима схематичность, нельзя переходить на официальный язык, нельзя говорить языком передовых и публицистических статей. А для этого нужно не только мастерство, для этого необходимо хорошо знать, срастись со всем комплексом стоящих перед нами проблем.

Основные лозунги, как, например, защита Советского Союза, поддержка революционной борьбы колониальных и угнетенных народов, борьба против империалистической войны, должны войти в плоть и кровь. Нужны живые люди, яркие эпизоды. Только таким образом художественно отображенные лозунги будут иметь широкое влияние, только таким образом мы выполним свою писательскую задачу.

Пути в этом направлении разнообразны. Можно писать романы из современной жизни, в которых трактовалась бы и последняя мировая война и настоящая «мировая война» точно так же, как и грядущая мировая война. Но война должна рассматриваться здесь не как вопрос далекого прошлого и не как вопрос далекого будущего, — все конкретные формы военной угрозы должны найти здесь свое отображение, должны быть учтены; здесь должна найти свое отображение пролетарская борьба, должны найти отображение вопросы иностранной политики, вопросы военных приготовлений, военных маневров, применения новых орудий и средств войны. И мне кажется, что подобные произведения сыграли бы огромную роль в деле воспитания пролетарских масс в духе революционного героизма.

9. «Обособление войны»

Я коснулся уже этого вопроса, говоря о второй ошибке, допущенной нами в нашей революционной антивоенной литературе. Первую ошибку усматриваю в излишней мягкости в отношении пацифистских антивоенных настроений. Говоря об этом, необходимо вскрывать, что эти антивоенные слова по существу могут быть использованы к подготовке новой войны.

Вторую ошибку я вижу в том, что я называю «обособление войны». Что означает это «обособление войны»?

Клаузевиц говорит: «Война — только часть политики и отнюдь не нечто самостоятельное». В другом месте мы читаем у того же Клаузевица: «Война — только продолжение политики, но иными средствами».

Мы можем перефразировать эту формулу при анализе современной войны: «Всякая война есть лишь продолжение политики определенных классов, но другими средствами».

УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИ-
ОННЫХ ПИ-
САТЕЛЕЙ

Вполне естественно, что буржуазные военные писатели пытаются изобразить войну, как нечто самостоятельное, как феномен, подчиненный собственным жизненным законам, как нечто неестественное, необычайное и в существующей общественной системе не безусловно необходимое и неизбежное. Война таким образом оказывается проклятой, а общество, т. е. капитализм, спасенным. Этим достигаются две цели — общественная система остается неопороченной, а в читателе пробуждается чувство: «Это было однажды... Как это было ужасно... Мы живем теперь по сравнению с войной в прекрасные времена...»

Мы должны решительно выступить против попытки подобным образом переоценивать прошлую войну. Мы должны в наших произведениях отображать иную точку зрения. Мы должны и прошлую и грядущую войну изображать на основе «войны во время мира», которую мы переживаем сейчас. Мы должны показать невозможность какими-нибудь искусственными путями отделить войну от капиталистической системы. Мы должны показать, как одним ударом настоящая «война во время мира» может превратиться в открытую войну.

Эта задача, кажется мне, упущена в большинстве наших литературных военных произведений, они больше делают ударение на самую войну и этим они отодвигают призрак войны, с одной стороны, в прошлое, а с другой — в отдаленное будущее, не представляя военной опасности, как живой вопрос сегодняшнего дня.

Война рассматривается у нас, как обособленный фактор, а все предпосылки войны в настоящее, предвоенное время не находят своего реалистического отображения.

10. Война и сегодня

Этим попыткам «обособления» войны мы должны противопоставить изображение войны, связанной с сегодняшним днем. Я упоминал уже слова основателя современной военной науки Карла фон-Клаузевица, говорившего, что война является лишь продолжением политики, но иными средствами. Ленин часто подчеркивал диалектическую правильность этой формулы. Современная действительность особенно подтверждает, дает огромное количество доказательств правильности этих слов.

Стратегия в подготовке войны и самое возникновение войны зависят от специфического положения данного империалистического государства среди всего империалистического мира, от его географического и стратегического положения, от его военной и экономической мощи, от силы сопротивления рабочих масс, от роли и влияния коммунистической партии в данной стране.

Поэтому такое, например, явление, как массовый локаут в Рурской области, мы не можем рассматривать иначе, как подготовку к военной мобилизации масс.

«Единый национальный фронт», создаваемый обычно в начале войны, не может быть ничем иным, как тактической империалистическо-военной диктатурой, которая под прикрытием парламента и социал-фашизма становится представительным и исполнительным органом буржуазии, помогающим ей в осуществлении своих империалистических планов. В этих целях и проводится сейчас «воспитание» рабочих масс. Основа этого воспитания состоит в раздроблении рабочего класса, в создании раскола среди него, в ослаблении его профессиональной организованности, в уменьшении коммунистического влияния на него, в натравливании квалифицированных рабочих на «неорганизованных». «Воспитанная» таким образом рабочая масса становится

вполне созревшей для «единого национального фронта», и германская буржуазия полагает, что такого эффекта она наиболее успешно достигнет, если, например, спровоцирует в Рурской области путем массовых локаутов массовые забастовки; социал-фашисты, как будто приняв вызов к бою, в действительности безоговорочно будут защищать классовые интересы буржуазии. Металлисты, шахтеры Рура, таким образом, в недавних классовых боях стояли не только на передовых позициях экономической борьбы рабочего класса, — еще более решающей будет их роль во время империалистической войны, независимо от того, какая это будет война. Вопрос о том, будет ли это война империалистических государств друг с другом, будет ли это война против Советского Союза, или это будет комбинация той и другой войны, — вопрос этот зависит от того, какую роль будет играть в этой войне германская буржуазия: будет ли она сейчас же непосредственно втянута в военные действия, или некоторое время останется «нейтральной», точнее говоря станет этапным пунктом для провоза военного снаряжения и поставщиком оружия и снаряжения для империалистических армий. Не приходится говорить о том, какое значение будет иметь при последнем варианте рурская промышленность. Она сможет доказать, что она в действительности является могущественной силой.

Остановимся на другом примере: каким образом во имя войны реализуются основные революционные лозунги — «За свержение собственного правительства», «Превращение империалистической войны в гражданскую», «Братание с Красной армией»? Прежде всего путем массовых забастовок под руководством коммунистов. Эти забастовки должны охватить все военные отрасли промышленности. Путем дезорганизации тыла и фронта вызываются в результате гражданская война и восстание рабочих масс. Но было бы глубоко ошибочно провести какую-либо тактическую грань между массовыми забастовками «мирного» времени и массовыми забастовками во время войны. Тот, кто так думает, находится во власти иллюзии, что борьба против войны и превращение ее в гражданскую — какой-то спорадический, какой-то единичный героический акт пролетариата. Более глубокой ошибки быть не может. Точно так же, как рурский локаут и все наступление капитала на рабочий класс являются военными приготовлениями буржуазии и социал-фашизма, точно так же революционная тактика в этих классовых боях, подготавливающих пролетариат к наступлению против капитала, является частью его задач во время войны. В этом — огромное значение борьбы за руководство экономическими выступлениями рабочих, за революционное руководство этими классовыми боями, за проведение революционных методов в этой войне. Во время всех этих экономических схваток одна из задач: самым широким образом, в самой популярной форме пропагандировать революционные лозунги борьбы против империалистической войны.

В этой связи можно бы остановиться еще на роли «хозяйственной демократии» и «гражданском мире». Если «хозяйственная демократия» уже сегодня — одно из значительных средств борьбы буржуазии против пролетариата, то ясно, что во время войны, в особенности в случае так называемой «нейтральной» позиции, она превратится в систему предательства рабочего класса в буквальном смысле слова. Таким образом борьба коммунистов против «хозяйственной демократии» является одной из важнейших предпосылок, чтобы разрушить так называемый гражданский мир так, как спокойствие в тылу.

Итак, мы говорим: чем решительнее, настойчивее рабочий будет вести свою борьбу за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня, тем легче будет организовать борьбу против военной угрозы.

**УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИ-
ОННЫХ ПИ-
САТЕЛЕЙ**

Чем яснее и решительнее мы, революционные писатели, углубимся в существо войны, в ее причины и предпосылки, чем больше мы в наших произведениях будем освещать борьбу рабочего класса за повышение заработной платы и сокращенный рабочий день, чем теснее мы будем связывать прошлую войну с настоящей, тем легче будет нам выступать против военной опасности с нашими специфическими художественными средствами.

II. Вредное преувеличение

Изображая грядущую войну, мы должны избегать всяких преувеличений, не соблазняться фантазиями о каких-то бациллах, о газовых болотах и т. д. Вполне достаточно использовать действительность. Если, например, мы будем преувеличивать ужасы газовой войны, то этим самым мы достигнем только того, что не создадим настоящего впечатления о той действительной ужасной опасности, которую представляет применение газов для всего тыла и в первую очередь для пролетариата.

Мы имеем возможность сказать без всяких преувеличений: грядущая война будет механизированной войной и в то же время она охватит миллионные массы, большинство населения воюющих стран. Развитие техники, изменение структуры армии определяют новые формы будущих столкновений. Уже сегодня совершенно очевидно, что в грядущей войне понятия фронта и тыла будут все более и более стираться. Самолеты, танки, газы — все это новые средства войны, которые не допустят прежних границ войны, которые уничтожат возможность существования фронта в старом понимании этого слова.

Во время самой войны будут вводиться в бой новые средства, о которых мы теперь и представления не имеем. Это можно утверждать на опыте мировой войны 1914 года, когда в процессе военных действий средства войны многократно менялись и значительно совершенствовались.

Мы сами, мы все страдаем ужаснейшим отсутствием фантазии, мы не раз'ясняем ежеминутно самим себе и другим, что война уже снова на ходу, что война приближается семимильными шагами. Вот пример. Я недавно со своим приятелем, старым испытанным противником войны, побывал в Южной Германии, поблизости военного лагеря. Там мы имели возможность наблюдать маневры моторизированной части. Велосипеды и пулеметы. При виде этой конкретной картины мой противник войны потрясенно воскликнул: «Теперь я действительно вижу, что империализм вооружается».

Да, мы все говорим: империализм вооружается. Но что означает в действительности это вооружение, эта подготовка к войне, еще не у многих из нас вошло в плоть и кровь.

12. За создание массовой революционной литературы!

В борьбе против военной опасности мы, революционные писатели, должны обратить гораздо большее внимание, чем до сих пор, на три категории: на юношество, крестьянство, особенно на сельскохозяйственных рабочих, и на женщин. Надо дать себе точное представление, какую роль эти три категории будут играть в грядущей войне.

Как можем мы, революционные писатели, подойти к этим категориям, которые в своем большинстве трудно поддаются политической агитации?

В связи с этим я хотел бы остановиться на вопросе о том, как мы удовлетворяем интересы наших читателей. Само собой разумеется, что создать массовый роман не значит выпустить тот или иной роман массовым тиражом. Создание массовых романов — это особое искусство. И на это искусство мы долгое время не обращали никакого внимания или относились к нему с эстетическими предрассудками, позаимствованными из арсенала буржуазной эстетики, относились к нему презрительно, свысока. У нас, в Германии, несколько лет назад были некоторые начинания в этой области, — попытки создания массовой литературы. Но эти попытки были неудачны. При всем желании в этом отношении нельзя отметить никаких успехов. Каковы были причины этой неудачи? В этих произведениях авторы пытались изобразить мелкобуржуазную среду, но, незаметно для самих себя, они сами соскользнули в эту мелкобуржуазную среду, сами проявили себя, как мещане. После этого подобные попытки не повторялись. Критикуя эти первые массовые произведения, мы не понимали, насколько важно отметить принципиальное значение такой литературы, насколько важно побудить к новым попыткам создания ее. Для нас тогда вопрос был исчерпан несколькими неудачными произведениями.

В настоящее время, когда нас отделяют несколько лет от этих первых шагов в области создания массовой литературы, мы уже понимаем, какую важную задачу берем на себя, продолжая эту работу. Мы продолжаем ее при гораздо лучших издательских условиях, при гораздо лучших условиях пространства, что имеет, в особенности в области массовой литературы, особое значение, и наконец, главное — с более многочисленными и политически зрелыми писательскими силами.

В области поэзии и романов и даже театра мы уже можем кое-что противопоставить верхушечной части современной буржуазной литературы. Но было бы ошибкой сосредоточить все внимание на соревновании с этой частью буржуазной литературы. Если мы с высот буржуазной литературы спустимся несколько вниз, в огромную необозримую долину так называемой второстепенной, бульварной литературы, когда мы обратим внимание на миллионы и десятки миллионов «романов приключений и развлечений», которые не менее важны с политической точки зрения, так как они очень ловко внушают неискушенному читателю незаметно для него самого свои политические тенденции, когда мы посмотрим на эти горы литературы, — мы ужаснемся. В этом отношении мы стоим перед пропастью. Этой литературе мы почти ничего противопоставить не можем.

Именно угроза войны повелительно требует развития массовой литературы. Мы должны завоевать новые читательские массы, мы должны нашей массовой литературой занять новые области, в которых мы до сих пор почти не имели никакого доступа и которые всецело были заняты нашим классовым врагом, несмотря на то, что по своему социальному составу эти читательские группы принадлежат нам.

Мы ни в коем случае не хотим создавать себе в этом отношении иллюзий, мы знаем, насколько трудно завоевать влияние революционной литературы на эти группы. Но гораздо вреднее подобных иллюзий в настоящий момент — момент военной угрозы, добровольная сдача позиций, которую мы допускали до сих пор. Поворот лицом к массовой литературе, усиленный выпуск и борьба за распространение подобной массовой литературы в Германии, например, являются важнейшим и решающим звеном в области литературных задач.

К вопросу создания массовой литературы относится также вопрос о создании литературы малых форм, являющейся одним из важнейших средств

**УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ**

литературной борьбы. Короткие рассказы, стихи на злобу дня, которые непосредственно реагируют на события в условиях нелегальной работы, а в особенности в случаях возникновения войны, могут остаться единственным нашим орудием, которым мы сможем воздействовать на массы.

При создании массовой литературы надо решительно ликвидировать еще не изжитый нами пассивный характер наших произведений, который выражается в том, что больше всего внимания уделяется нужде и горю бедноты, причем произведения часто заражены настроениями этих групп. Боевая массовая литература может быть создана только тогда, если мы приступим к ее созданию с бодрыми, смелыми наступательными настроениями.

В этой связи я хотел бы сказать несколько слов о нашем языке. Насколько мне кажется, вопрос языка в настоящее время является преимущественно немецкой проблемой, и это имеет свои основания. Товарищи, входящие в Союз пролетарско-революционных писателей Германии, в большинстве случаев непосредственно связаны с партийной работой, и вследствие этого у них невольно, так сказать, партийный, официальный язык переносится в их литературные произведения. Многие пишут еще таким трудным и непонятным языком, который может быть разгадан только посвященными. Они пишут иероглифами. Но именно, если речь идет о пропаганде среди тех слоев населения, о которых мы говорили выше, особенно необходимо изменить язык наших литературных произведений, конечно, без ущерба содержанию. Совершенно обязательно писать на таком языке, который был бы действительно народным, который сохранил бы всю полнокровную силу и пластику народного языка, который был бы доступен всем, даже тем, кто не владеет партийной терминологией. Совершенно обязательно, таким образом, писать на языке, который в состоянии живо влиять на читателя и слушателя, внушая ему идеи нашей революционной борьбы.

Создание такого языка становится сугубо необходимым, поскольку в случаях обострения военной угрозы и, прежде всего, в случае перехода компартий на нелегальную работу, революционной литературе будет принадлежать огромная роль. На долгий период революционный писатель должен будет частично выполнять ту работу, которую сейчас, при легальных условиях, выполняет наша революционная пресса. Поэтому в настоящее время легальной и полулегальной передышки, в условиях которой мы живем, надо всеми силами и средствами развивать нашу литературу, чтобы переход на нелегальное положение мы могли встретить широко развернутой и глубоко развитой литературной колонной.

К сожалению, на этом пути стоят большие трудности. Революционная пресса в Германии именно в последнее время наталкивается в своем развитии на сильнейшие репрессии и преследования. Правда, и здесь мы делаем ошибку, не обращая достаточного внимания на спортивную прессу, на ученические и студенческие издания, на театральные газеты, на издания организации свободомыслящих. Мы слишком односторонне подходим к вопросу, сосредоточивая все свое внимание на политической ежедневной печати.

Однако, несмотря на все это, можно утверждать, что наша литература усиленно и непреклонно развивается, издательства удваивают и утраивают свою продукцию. Издательские возможности в значительной степени связаны теми возможностями, которыми мы располагаем в отношении пропаганды наших произведений в печати. Насколько эта пропаганда важна, можно судить по мировому успеху книги Ремарка «На западе без перемен». Успех в значительной степени объясняется и тем, что издательство, выпустившее ее, имеет в своем распоряжении огромный газетный концерн. Мы должны приложить все усилия, чтобы восполнить этот пробел, не то мы застрянем в тупике и нам нужны будут двойные усилия, чтобы выбраться из него. Наша

работа не будет продуктивной ни для читателя, ни, тем более, для самого автора, если на наши книги будут появляться отзывы только на обложках наших изданий.

Между тем у нас нет до сих пор поля для широкой, исчерпывающей и систематической критики. К тому же, даже в наших собственных рядах до сих пор существует какое-то странное отношение к литературе, к ней относятся с сочувствием, но отнюдь не серьезно. Однако, если мы напряжем наши усилия, мы выберемся из этого положения, и работа, которую мы делаем, будет в конце концов самым сильным и самым убедительным аргументом в пользу ее.

Если я говорил о необходимости усиления внимания фельетону в связи со стоящими перед нами в недалеком будущем новыми задачами, то я в то же время считаю необходимым, настоятельно и срочно необходимым, расширить и улучшить имеющийся у нас литературный журнал, а в секциях, где таких органов еще нет, немедленно создать их. Эти журналы должны стать более читабельными, более популярными, чтобы найти доступ в широкие рабочие массы, чтобы стать их подлинными руководящими органами. При этом мы не должны поддаваться примеру буржуазных радикальных изданий, как бы интересно и бойко они ни делались. Их развязность и беспринципность, перескакивание с одной политической точки зрения на другую, балансирование между фронтами — все это обеспечивает их «ослепительный стиль», и этого стиля мы у них перенимать не собираемся...

13. Красный интернационал литературы

Мы не только писатели, пишущие книги, мы в то же время — и это основная предпосылка нашей работы — неразрывно связаны с революционной практикой. Только таким путем мы можем осуществлять наши задачи, только таким путем мы можем быть и оставаться революционными писателями. В противном случае, наша работа стала бы чуждой жизни и действительности. Поэтому наша задача не только создавать литературные произведения, но в то же время работать на передовых позициях, организовывать эту литературу, то есть по возможности избегать всего случайного в литературной продукции, а заботиться о плановости в ней.

Организация нашей литературы в связи с военной угрозой, понятно, становится особенно важной. Мы можем встретить во всеоружии все сложные и трудные задачи, стоящие перед нами, только если мы соберем воедино все наши силы и правильно и целесообразно распределим их, только если мы коллективно будем использовать наши наблюдения, переживания и опыт. Мы должны усилить нашу работу по созданию смены и резервов, так как наличных сил при дальнейшей развертывающейся работе далеко не хватит. Это в первую очередь означает, что мы должны уделить огромное внимание рабочим корреспондентам и рабочим театральным кружкам. Товарищи, которые из рабочих корреспондентов и авторов произведений для театральных агитационных и пропагандистских групп постепенно вырастают в писателей, должны встречать с нашей стороны товарищеское отношение и полную поддержку и помощь.

Основным для осуществления организации литературы и вовлечения в нее новых кадров является создание боевого и мощного Международного Бюро Революционной Литературы. Создание литературного Интернационала именно перед лицом военной опасности не терпит дальнейших отлагательств. Этот Интернационал должен охватить не только пролетар-

**УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИ-
ОННЫХ ПИ-
САТЕЛЕЙ**

ские революционные писательские организации передовых стран, но также национально-революционных писателей и национально-революционные писательские объединения угнетенных народов и национальных меньшинств.

Вполне понятно, что в этот Интернационал вовлечены также литературы колониальных народов, борющихся против империализма. В целях правильной организации и руководства литературным движением в Западной Европе, весьма важно создать западно-европейский секретариат, который имел бы свой центр в Берлине.

Созданное заново и усиленное Международное Бюро Революционной Литературы, по существу являющееся центральным органом такого литературного Интернационала, должно включить в себя силы и опыт наших лучших писательских единиц, оно должно стать действительной радиостанцией революционной литературы всего мира.

14. Можем ли мы стать массовыми организациями?

Писатель в то же время является культурным работником, и поэтому необходимо, чтобы мы находились в тесной связи со всеми культурными организациями пролетариата. Наши союзы революционных писателей, понятно, не являются массовыми организациями. Имеется ли возможность сейчас, в период военной угрозы, превратить их в массовые организации, с тем, чтобы они не потеряли своей ударной силы? Прежде всего, мы могли бы сделать, например, попытки организовать читателей наших журналов, устраивая вечера чтения и разбора наших произведений. В Союзе пролетарско-революционных писателей Германии в последнее время возник вопрос о переименовании его в Союз пролетарской революционной литературы. Такой союз мог бы уже стать массовой организацией, такой союз, кажется мне, имел бы возможность установить твердую и длительную связь между писателями и читателями. Мы, конечно, не упускаем из виду при развертывании этой организационной работы опасности, заключающейся в том, чтобы наши писатели не оказались занятыми исключительно организационной работой и не могли делать своего основного дела — писать.

15. За четкую литературно-теоретическую линию!

Одновременно нам необходимо проработать и уточнить нашу литературно-теоретическую линию. В этом отношении совершенно необходимо, чтобы товарищи из СССР оказали поддержку своим опытом Международному Бюро, чтобы они больше и шире познакомили секции Бюро с теми дискуссиями, которые у них происходят по теоретическим вопросам. Неправильные литературно-теоретические установки могут нанести нашей литературе огромный вред в смысле ослабления ее влияния на массы.

Вопрос о том, существует ли пролетарская революционная литература, — раньше всего был разрешен нашей литературной практикой. Наши пролетарские колонны твердо идут вперед и этого никто не может отрицать. На очереди усиление этого движения, углубление его значения; поэтому остро необходимо ознакомить наших писателей с методами художественной продукции, со всеми вопросами формы и содержания. Если нам удастся связать эти вопросы с конкретными стоящими перед нами задачами и систематически совершенствоваться в этом направлении на основе опыта, то мы не соскользнем на путь далекого от действительности эстетизма, а наоборот, нам удастся активизировать нашу литературу и тем самым сделать ее более бое-
способной в нашей борьбе против военной опасности.

Мы, революционные писатели, работаем также в буржуазных писательских объединениях. Эта работа находится в теснейшей связи с вопросом нашего влияния на общественное мнение, на его отношение к военной угрозе, она находится в теснейшей связи с нашим отношением к сочувствующим, к попутчикам. Мы в Германии имеем в этом отношении уже некоторый опыт. У нас были ошибки. С одной стороны, мы в свое время решительно замкнулись, оттолкнув от себя сочувствующих, с другой стороны, в дальнейшем мы переоценили попутчиков и оказались под угрозой подпасть под их влияние.

Необходимо дать экономический анализ отношения интеллектуальных групп, в особенности писательских, в различных странах к революционному движению, сделать исторический обзор их отношений к революции в различные периоды. Мы до сих пор этого не сделали, мы разрешали этот вопрос, так сказать, инстинктивно. Но создавшееся положение толкает нас вплотную заняться этим положением.

Вполне понятно, что между современной германской интеллигенцией и русской интеллигенцией 1917 года имеется коренное различие. В России в 1917 году буржуазная революция стояла на повестке дня, и она превратилась в пролетарскую; огромная масса передовой интеллигенции продолжала путь под знаменем пролетарской революции. В Германии на повестке дня не буржуазная, а пролетарская революция. Мы наблюдаем следствия этого в области литературы. Неопределенность и колебания приходят к концу. На одну сторону становятся фашистские элементы и те писательские силы, которые раньше стояли близко к нам, потом отошли и в конце концов перешли на сторону врага. На другой стороне баррикад увеличивается число сочувствующих. Литература тоже, хочет ли она этого или не хочет, должна будет дать решительный ответ на вопросы: «Фашизм или советская Германия?», «За или против Советского Союза?» Этих вопросов буржуазная литература, как бы она этого не хотела, избежать не может: То время, когда хамелеоны выкидывали свои артистические фортели вокруг кипящего красного котла революции, уже прошло. Маневрировать лозунгом «чистого искусства» буржуазным писателям все труднее и труднее. Нейтральность уже далее нетерпима и невозможна. Те, которые недавно еще говорили «постольку поскольку», «с одной стороны, нельзя не признать, а с другой стороны...», теперь находятся во все большем смущении, так как история требует от них четкой и решительной позиции.

Именно поэтому мы не можем в настоящее время рассматривать буржуазную литературу, как единый реакционный фронт. Мы должны дифференцировать ее, мы уже можем отметить три группы.

К первой относятся те буржуазные писатели, преимущественно с громкими, давно прославленными именами, не деклассированные, а наоборот, тесно связанные с буржуазным классом — так сказать, идеологические вожди буржуазии на литературном фронте; они стоят по другой стороне баррикад, и нам не приходится думать о привлечении их на свою сторону.

Вторая — промежуточная группа: к ней относятся писатели, которые колеблются то в одну, то в другую сторону, подписывают воззвания, призывающие к поддержке революции, и в то же время стараются не отставать от маститых буржуазных писателей, чтобы затем снова кокетничать с нами; эту группу в ее большинстве мы можем сделать нейтральной и безопасной.

К третьей группе следует отнести молодых писателей, пришедших в литературу в период войны и революции, еще не зараженных влиянием маститых; представители этой группы в значительной части сами наталкива-

УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИ-
ОННЫХ ПИ-
САТЕЛЕЙ

ются в своем творчестве на препятствия, которые ставит художественному творчеству капитализм; среди этой группы мы должны вести работу, мы должны подойти к ним по-товарищески, оказывая на них систематическое воздействие. Мы должны показать этим писателям, что те препятствия, которые они встречают на своем творческом пути, отнюдь не являются объективными препятствиями, что эти препятствия могут быть уничтожены только с уничтожением всей системы, с уничтожением капитализма.

Точно так же, как мы должны изжить ту боязнь правых ошибок, которая заставляет многих вовсе не вести никакой работы среди попутчиков, точно так же, как мы должны искоренить эту трусливую сектантскую точку зрения во всех наших секциях, точно так же мы должны энергично бороться против двух других ошибок, которые совершаются по отношению к попутчикам.

Первая ошибка состоит в том, что попутчиков оценивают по тем подвигам, которые они дают под воззвания, протесты и т. п. Эта ошибка находится в тесной связи с другой ошибкой, которая состоит в том, что попутчикам расценивают по тому, насколько его можно использовать. И то и другое в основном неправильно. Нам не приходится удивляться, если при таких установках попутчики становятся неверными и ненадежными.

Мы должны привлечь попутчиков на свою сторону и мы их должны перевоспитать. Мы не должны скрывать от них, что путь к нам тяжел, и на нашем собственном опыте мы должны показать им, что они должны притти к пролетариату, не как учителя, не как люди преимущественного положения. Мы должны показать им, что они только тогда смогут идти в ногу с пролетариатом, если они готовы сжечь многое из того, что до сих пор им казалось самым значительным и дорогим, то, чему они раньше поклонялись. Мы должны сказать им, что первый шаг к нам отнюдь не самый тяжелый, что трудности начинаются только тогда, когда этот первый шаг уже сделан. Только так должны мы подходить к молодым радикальным писателям-интеллигентам, если мы хотим добиться прочного и длительного успеха, если мы хотим привлечь их в наши ряды, если мы хотим, чтобы они были с нами в будущих боях, чтобы они в союзе с нами и вместе с нами организовали теперь массовые выступления пролетарской революционной литературы против фашизма и военной угрозы.

И особенно важно вскрыть перед этими писателями опасную роль пацифизма. В данном случае недостаточно говорить общими фразами о пацифизме, необходимо конкретно показать им одну за другой различные формы пацифизма.

Надо показать им так называемый официальный пацифизм, которым капиталистические государства маскируют свои маневры по отношению друг к другу и по отношению к Советскому Союзу (Лига Наций, Локарно, конференции по разоружению, «запрещение войны» и т. д.).

Надо показать им пацифизм Второго Интернационала (Гильфердинг, Поль Бонкур, Макдональд), являющийся только ответвлением официального правительственного пацифизма, но который часто особенно опасен, так как он уснащает свои аргументы социалистическими или даже «марксистскими» фразами.

Надо показать им радикальный, лже-революционный пацифизм некоторых «левых» социалистов, которые, признавая угрозу войны, противопоставляют этой войне только бессмысленные фразы. Эти пацифисты часто переоценивают значение современных орудий войны, чтобы доказать полную невозможность войн вообще или невозможность длительной войны, или же чтобы доказать невозможность превращения империалистической войны в гражданскую.

В нашей борьбе против пацифизма мы должны провести резкую грань между теми широкими кругами интеллигенции, которые настроены против войны, которые готовы бороться против военной угрозы, но которые не видят еще единственного настоящего революционного пути и поэтому становятся жертвой пацифистских лжецов, — и между самими этими лжецами. Мы должны показать, что чем очевиднее становится военная опасность, тем опаснее становится так называемый радикальный пацифизм, оперирующий высокпарными словами: «Долой всякую войну!», «Мы не допустим никакой войны!», «Никогда больше не должно быть войны!» В наших дискуссиях с попутчиками интеллигентами мы должны указать на то, что мы отнюдь не против **всякой** войны. Современная эпоха знает три рода войн: 1) войны империалистических государств между собою, 2) войны империалистической контрреволюции против пролетарской революции или стран, в которых строится социализм, и 3) национально-революционные войны, в особенности в колониальных странах, против империализма, вызванные стремлением империалистов поработить эти страны.

Пролетариат должен, поэтому, рассматривать каждую войну самым тщательным образом с точки зрения ее исторического и политического классового значения и особенно вдумчиво должен он оценить роль правящего класса во всех странах, принимающих участие в войне, с точки зрения пролетарской революции. На основе такого марксистского анализа войны пролетариат определяет свою принципиальную позицию и тактику по отношению к ним. Такого анализа характера войны нельзя заменить оценкой по ее внешним признакам, вроде например, наступательная это или оборонительная война. В империалистической войне, как война 1914 г., руководствоваться таким признаком вообще бессмысленно, и он может служить только для обмана масс. Не тот ведет несправедливую войну, кто первым начал, а тот, кто является представителем реакции, контрреволюции, эксплуатации, империализма, против национальной пролетарской политики.

Мне кажется, что в наших спорах с попутчиками по этому вопросу мы не всегда еще сохраняли должное спокойствие и не всегда разъясняли вопрос до конца.

Несомненно, что так называемые «нейтральные» газеты могут оказать нам весьма ценные услуги в привлечении попутчиков на нашу сторону и в нашей борьбе против военной угрозы вообще. Здесь надо только всячески остерегаться превращения этих органов в столпотворение всевозможных взглядов и мнений в надежде, что факты будут говорить сами за себя и что читатель сам сделает правильные выводы. Нет, правильная точка зрения не является чем-то автоматическим, могущим притти «само собою» из всего ералаша в мнении взглядов. Мнение, что правда сама по себе скажется, не что иное, как самый опасный фатализм. Помещайте. Предоставляйте слово социал-демократам, троцкистам, дайте слово Реннеру, Вандервельде и сопроводите их статьи несколькими вежливыми фразами, а читатель — так думает, например, редакция «Монда» — сам по себе потом уже разберется. Нет, читатель сам по себе никогда не разберется. Самое лучшее в данном случае у него создастся целая уйма мнений, каждое из которых, как признает сама редакция, заслуживает уважения.

Мы как раз в противоположность редакции «Монда» стоим на той точке зрения, что именно в таком «нейтральном» или «надпартийном» издании, при всей свободе мнений, нельзя забывать о четком и строгом редакционном руководстве. Все эти суеверия, что правда в конце концов сама скажется, все эти эклектические забавы приносят огромный вред. Подобными методами можно только оттолкнуть тех попутчиков, которых нам желательно привлечь на свою сторону. Мы должны проникнуться верой в свои силы, в свои

**УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВ ОЛЮЦИ-
ОННЫХ ПИ-
САТЕЛЕЙ**

возможности переубедить их, а лучшим методом убеждения всегда был метод спокойного и делового доказательства. Наша же точка зрения так богата доказательствами, что часто удивляешься, как мало и как плохо мы их используем.

17. «Какова будет ваша позиция в случае войны против СССР?»

Международное Бюро Революционной Литературы некоторое время назад организовало анкету по вопросу: «Какова будет ваша позиция в случае войны против Советского Союза?». С этим вопросом Международное Бюро обратилось ко всем известным буржуазным писателям и всем представителям революционной литературы. Уже одно молчание значительного числа писателей, от которых мы по меньшей мере ждали пацифистского ответа, — уже одно их молчание было весьма показательным. Мы имеем основание полагать, что эти пацифисты в тот момент, когда действительно грохочут пушки, не только будут молчать, а наоборот, подымут свой голос и будут кричать, что эти пушки направлены против Советского Союза во имя мира, во имя демократии, во имя цивилизации.

Но и ответы революционных писателей ни в коем случае нельзя признать удовлетворительными. Они слишком легко отнеслись к вопросу, и в той легкости, с которой они обошли все трудности, таится большая опасность.

Наши революционные писатели заверяют, что в случае войны против Советского Союза они будут в окопах Красной армии, они возьмутся за оружие для защиты Страны Советов. У нас нет никакого повода не доверять этим героическим заявлениям. Абсолютно никакого. Но мы должны это сладкое блюдо воодушевления посыпать реалистическим перцем. Ибо эти героические заверения перед лицом реальных фактов, которыми неизбежно сопровождается всякая война, могут превратиться в панику. Вспомним слова Ленина, сказанные им о возникновении войны: «В связи с недавним опытом войны мы должны раз'яснить, какая масса теоретических и житейских вопросов возникает на другой день после объявления войны, отнимая у громадного большинства призываемых на военную службу всякую возможность относиться к этим вопросам со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью. Надо объяснить в особенности значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно разрешать в пользу своей буржуазии»...

Правда, в настоящее время возможности борьбы против войны возросли, возросли возможности воспрепятствования войне путем усиления классовой борьбы, путем массовых революционных выступлений против правительства. Этих возможностей в случае войны против Советского Союза гораздо больше, чем в 1914 году. В настоящее время гораздо больше предпосылок к тому, что пролетариат капиталистических стран превратит войну против Советского Союза в гражданскую войну против своей буржуазии. Эти предпосылки создаются теперь гораздо быстрее, чем в период последней империалистической войны.

Однако, несмотря на все это, мы должны отметить те трудности, которые возникнут в случае войны, мы должны поглубже задумываться над этими трудностями, если мы хотим создать предпосылки для того, чтобы действительно иметь возможность взяться за оружие для защиты Советского Союза. Это гораздо полезнее, чем мечтать сейчас о том, что мы возьмемся за оружие. Поменьше героических жестов, — побольше повседневной работы.

Наша позиция в грядущей войне находится в полной зависимости от наших сегодняшних позиций и только наша сегодняшняя позиция решает вопрос — возьмемся ли мы и сколько из нас возьмутся за оружие. Об этой сегодняшней позиции в ответах наших революционных писателей было сказано очень мало.

Мы должны говорить о том, какие имеются в нашем распоряжении средства агитации и пропаганды, чтобы воспитать массы для пролетарского отпора. Мы должны быть в состоянии дать ответ на этот вопрос и в разрезе сегодняшнего дня. Мы должны прежде, чем завтра взяться за оружие, сегодня, сегодня и еще раз сегодня, научиться лучше стрелять нашими книгами, лучше, чем мы делали это до сих пор, ибо чем лучше мы сегодня работаем на своих пишущих машинах, тем лучше мы в будущем сумеем работать за пушками и пулеметами. И в этом отношении было бы более показательно, например, если бы кто-нибудь из нас рассказал, с какой энергией он ведет борьбу против зародышевых форм интервенции, например, против папского крестового похода или демпинговой кампании.

18. За пятилетку — против военной угрозы!

Я не говорил еще об одном средстве борьбы против войны, самом верном средстве борьбы против военной угрозы из всех имеющихся в распоряжении революционного движения, и в частности революционных писателей. Я имею в виду пропаганду социалистического строительства в Советском Союзе, особенно его пятилетний план.

Я полагаю, что те товарищи, которые приезжают в Советский Союз из капиталистических стран, переживают одно и то же чувство: просто страшно подумать, как мало, как чертовски мало знаем даже мы, казалось бы, интересующиеся этим вопросом, об огромном, неизмеримом, не имеющем прецедента в истории, строительстве, происходящем в Советском Союзе. Наша ужаснейшая, катастрофическая ошибка в том, что мы до сих пор еще не научились и до сих пор не умеем конкретно, живо, непосредственно, простым языком, понятным для каждого, отобразить, объяснить, что там создается новый мир, создается и перестраивается во имя и для грандиозного полного воодушевления общества. Там, — мы должны прокричать об этом на весь мир, — там начинается новая жизнь для всех творящих, для всех создающих, для всех занимающихся физическим или умственным трудом, там строится общество, в котором стоит жить, в котором человек не расценивается как товар, где старый поработенный капитализмом человек развивается и превращается в человека нового общественного строя, призванного стать хозяином природы, хозяином машины, призванного завоевать мир. Там начинается тот исторический отрезок эпохи, который является пред- историей той эры, когда человечество навсегда покончит со всеми ужасами, со всеми суевериями и темнотой, со всеми ложными представлениями и предрассудками, с эксплуатацией и угнетением, кризисами и войнами.

Да, в СССР осушается огромное вековое болото. Его осушает стопятидесятиmillionная масса, работая с необычайным напряжением сил. Мы едва в состоянии охватить это величественное осуществление самых смелых мечтаний и снов, которые были не только у каждого социалиста, но и у каждого человека, если он, хотя бы в юности, был способен к смелым мечтаниям.

Особенно к товарищам писателям Советского Союза мы обращаем требование сочетать свою творческую работу с теми невероятными темпами, которыми осуществляется пятилетний план, и, создавая эпос пятилетки, помочь нам за широкие массы трудящихся.

**УГРОЗА
ВОЙНЫ
И ЗАДАЧИ
РЕВОЛЮЦИ-
ОННЫХ ПИ-
САТЕЛЕЙ**

Серафимович пишет «Железный поток» — эпопею гражданской войны. Маяковский ставит на ноги 150 миллионов, чтобы присягнули революции.

Рифмы и вольные ритмы Ленину честь воздают.
Упрямо
Вгрызаясь
В проблемы периода нэпа,
Боролись пролетарские поэты за революцию
Оружием слова...
Много великих дел воспевали до нас поэты времен.
Но величайшее осталось воспеть нам:

Я пою пятилетку

Воспевая пятилетний план, поэтически отображая его, мы получим возможность глубоко внедрить в сознание масс, убедить широкие слои, что СССР — отечество международного пролетариата, что Красная армия — армия международного пролетариата, что война против СССР — война против международного пролетариата и что победа СССР в этой войне — победа международного пролетариата.

19. «Я не могу молчать, потому что не хочу стать соучастником преступления»

В этом духе, в этом направлении должны мы вести свою работу и мы ведем ее в полном сознании, что мы, революционные писатели всех стран, составляем неразрывное целое, что мы солдаты, солдаты великой интернациональной Красной армии.

Передышку, которую мы называем миром, мы должны использовать. Эта передышка не должна повлечь для нас опасности, стать более мягкими, более слабыми. «Война подкрадывается в маске, мир улыбается». Так не успокоимся же, не будем увлекаться передышкой. Каждый день может изменить положение, и мир, как говорит Маркс, «снова затанцует».

Если мы окажемся в состоянии создать литературу, которая захватит массы, тогда наша литература, тогда мы сами станем неотъемлемой частью той материальной силы, которая призвана изменить мир.

Тогда мы в какой-то мере будем способствовать тому, чтобы поход на Москву, затеваемый капиталистами, превратился в гибельный для них поход, в поход рабочих батальонов и Красной армии в столицы капитала. Только ожесточенная, связанная с борьбой сегодняшнего дня борьба против военной угрозы Советскому Союзу дает нам право называть себя авангардными бойцами за новое будущее, бойцами за грядущее счастливое поколение, бойцами за новую культуру, которая после победы социализма переживет небывалый расцвет.

Эту борьбу мы будем вести с трезвой рассудительностью, но с тем воодушевлением, которого требует существо наших задач. Нас не смутят измены предателей, вроде Истрати, мы будем встречать поражения и жертвы с твердостью, свойственной бойцам, знающим, что победа — дело тяжелое.

«Я не могу молчать, так как не хочу стать соучастником преступления». Эти слова Золя мы переводим на наш сегодняшний революционный язык и говорим: «Только тогда мы не будем соучастниками преступлений, ведущих к победе реакции и гибели человечества, если мы с полным сознанием изменим нашим капиталистическим правительствам и подготовим превращение империалистической войны в войну гражданскую».